

Е.Н. Мухина*

**ПРОФЕССОР С.С. ДМИТРИЕВ (1906–1991):
ЕГО ДНЕВНИКИ И СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА**

E.N. Mukhina

**PROFESSOR S.S. DMITRIEV (1906–1991):
HIS DIARY AND FAMILY CORRESPONDENCE**

Аннотация. В настоящее время готовится к публикации дневник известного специалиста в области истории русской культуры и общественной мысли XIX в. Сергея Сергеевича Дмитриева. Цель данной статьи — показать, чем этот источник личного происхождения может быть интересен и полезен потенциальным читателям (как специалистам-историкам, так и тем, кто просто интересуется отечественной историей). Ценность дневника объясняется не только тем, что его автором был профессор, оставивший заметный след в истории исторического факультета МГУ, но и тем, что он охватывает полувековой период — с 1941 г. по 1991 г., а если учитывать так называемые мемуарные вкрапления, то содержит и сведения за 1920-е — 1930-е гг. За это время жизнь страны и условия развития исторической науки не раз менялись: время господства «школы Покровского» в 1920-е — начале 1930-х гг. существенно отличалось от условий, сложившихся после 1934 г., когда было восстановлено изучение гражданской истории, а не только истории классовой борьбы; условия 1930-х — начала 1950-х гг. — от тех, в которых наука развивалась после 1956 г., а затем в период перестройки. Все эти изменения можно проследить как на основе оценок и суждений самого Дмитриева, так и на примере судеб упоминаемых в дневнике его многочисленных современников — людей разных возрастов, профессий, социального (сословного) происхождения, широко известных и почти никому не известных; тех, с которыми автор жил и работал в течение длительного времени, и тех, с кем жизнь свела его на краткий момент — в эвакуации, во время путешествий по стране, в санаториях и больнице, на учебных занятиях в разных московских вузах. Особый

* Мухина Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Mukhina Elena Nikolaevna, PhD Candidate in History, Associate professor, Department of Russian History of the Nineteenth — Early Twentieth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7(495) 939-12-72; ilyamukhin@yandex.ru

интерес представляет переписка семьи Дмитриевых за 1941–1942 гг., ярко и подробно характеризующая быт советского тыла в начальный период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: исторический факультет МГУ, кафедра истории России XIX века — начала XX века, дневник, семейная переписка, С.В. Бахрушин, М.В. Нечкина, А.М. Панкратова, Великая Отечественная война, эвакуация.

Abstract. The diary of Sergey Sergeevich Dmitriev, a famous specialist in the history of Russian culture and social thought of the 19th century, is currently being prepared for publication. The purpose of this article is to show the relevance and use of this source of personal nature for potential readers (both historians and those who are simply interested in Russian history). The value of the diary can not only be attributed to the fact that its author was a professor who left a noticeable mark on the history of the Faculty of History at the Moscow State University, but also to the fact that it covers a half-century period, stretching from 1941 to 1991, and further into the 1920s–1930s, if we take into account the so-called memoir inclusions. During this time, the social life of the country and the conditions for the development of historical science changed more than once. The period of the 1920s — early 1930s, when the “Pokrovsky school” domineered, significantly differed from the situation prevailing after 1934, when the study of civic history was reintroduced in addition to the history of class conflict; whereas the conditions of the 1930s — early 1950s varied from those in which historical science developed after 1956, and then during the period of perestroika. All these changes can be tracked both on the basis of the assessments and judgments expressed by Dmitriev himself, and drawing on the example of his numerous contemporaries’ experiences mentioned in the diary. They were people of different ages, professions, social (class) origin, widely known or almost unknown to anyone; those who lived and worked with the author for a long time, and those who only encountered him for a brief moment, during the period of evacuation, or while he travelled around the country, stayed in sanatoriums and hospitals, or attended classes of various Moscow universities. Of particular interest is the correspondence between members of the Dmitriev family from 1941–1942, as it vividly and thoroughly characterizes life on the Soviet home front in the initial period of the Great Patriotic War.

Keywords: MSU Faculty of History, Department of Russian History of the Nineteenth — Early Twentieth Century, diary, family correspondence, S.V. Bakhrushin, M.V. Nechkina, A.M. Pankratova, Great Patriotic War, evacuation.

* * *

Впервые фрагменты дневников С.С. Дмитриева — одного из ведущих профессоров исторического факультета МГУ — были опубликованы его ученицей Р.Г. Эймонтовой в журнале «Отечественная

история» в 1999–2001 гг.¹ Эта публикация не давала полной информации об описываемых в дневнике событиях и людях, не отражала меняющихся под влиянием времени настроений и мнений самого Дмитриева. Эту неполноту Регина Генриховна объясняла следующим образом:

— на момент публикации ею было прочитано менее 1/3 дневников, поэтому были выбраны некоторые записи, относившиеся к 1949–1957 гг. и 1989–1991 г. (Судя по предисловию к публикации, можно предположить, что записи за 1941–1948 гг., т.е. за последние предвоенные месяцы, период Великой Отечественной войны, первые послевоенные годы, ей почему-то не были известны);

— журнальная публикация, по определению, должна была иметь ограниченный объем. Поэтому Эймонтовой были «взяты лишь отдельные записи, порою — в неполном виде: поскольку многие из них весьма обширны и касаются разнородных сюжетов, преимущество отдавалось более значительным по содержанию и компактным по форме. Частности, детализация, семейные и бытовые подробности исключались, если это не нарушало целостности изложения».

Публикатором также сознательно опускались некоторые «отзывы о конкретных людях» (как бы «остроумны и ярки» эти отзывы ни были) в виду того, что выражения, могущие показаться обидными, «не корректны для воспроизведения в печати»².

Понимая все сложности, с которыми столкнулась Р.Г. Эймонтова, подобные критерии, тем не менее, вряд ли можно признать корректными с научной точки зрения: разные читатели или исследователи, исходя из своих собственных целей и взглядов, по-разному оценивают, какие сюжеты для них более, а какие менее значимы. Кроме того, ценность дневников как определенного типа исторических источников как раз и заключается в том, что (в отличие, например, от мемуаров) содержащаяся в них информация, как правило, имеет более подробный характер, содержит больше частных и подро-

¹ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева / Публ. подгот. Р.Г. Эймонтовой // Отечественная история. 1999. № 3–6; 2000. № 1–3; 2001. № 1.

Следует отметить, что личный фонд С.С. Дмитриева, в который на настоящий момент входят «рукописи, печатные издания, дипломные работы, авторефераты, статьи, выписки из различных исторических источников, корректура, рукописи научных работ С.С. Дмитриева по истории культуры, славянофильству, истории церкви, науки России XIX в., по русской историографии; программы научных работ и учебных курсов на Историческом факультете МГУ и МОПИ, отзывы и рецензии С.С. Дмитриева; книги, авторефераты и оттиски отечественных и зарубежных ученых с дарственными надписями С.С. Дмитриеву и т.д.», находится на хранении в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея. Этот фонд подробно описан в статье Н.Ш. Катамадзе и Г.Р. Наумовой «Фонд профессора» (Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2018. № 3. С. 54–69).

² Отечественная история. 1999. № 3. С. 143.

ностей, отражающих повседневную жизнь и потому позволяющих лучше представить специфику ушедшей эпохи.

Именно дневник способен зафиксировать настроения, которые продержались в обществе очень недолго, но на тот момент были очень значимы и характерны, а потом оказались прочно забыты, вытеснены из памяти современников подоспевшими более масштабными событиями. В этом отношении, например, очень ярки записи Дмитриева за 7–8 мая 1945 г., в которых он фиксирует охватившее москвичей «напряженное нервное ожидание» объявления о безоговорочной капитуляции Германии и окончании войны, порожденное неясными слухами о том, что это событие уже состоялось. Как выяснилось позже (и то далеко не для подавляющего большинства граждан СССР), речь шла о подписании соответствующего Акта 7 мая в Реймсе (Франция), где ведущую роль играли западные союзники. Это обстоятельство вызвало недовольство советского руководства, и Сталин настоял на повторном подписании этого Акта, на территории Германии (земли, «откуда пришла фашистская агрессия») и обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции; что и было осуществлено 8 мая в Карлсборсте. И пока 9 мая не было официально объявлено об этом событии, один день — 8 мая — у москвичей вызывали горькое разочарование известия, которые только накануне неизменно вызывали бурную радость: «Два салюта в 8 часов (взятие Ольмюца) и в 9 часов вечера (взятие Дрездена) всех сильно разочаровали — в них увидели косвенное опровержение слухов о капитуляции — какая же капитуляция, когда воюют и города берут!»

Дневниковые записи С.С. Дмитриева содержат самые разные характеристики людей, с которыми ему приходилось сталкиваться. В их воспроизведении нет ничего страшного и необычного — ведь в реальной жизни между личностями весьма достойными нередко складываются непростые отношения и, на мой взгляд, в лакировке они не нуждаются. Сам Дмитриев в подобных случаях призывал «совершать поменьше хирургических операций» с историческими источниками и также говорил о невозможности «руководить историей», которую можно «только либо изучать, либо искажать»³.

В настоящее время завершается работа по подготовке к публикации полной электронной версии дневников С.С. Дмитриева и его семейной переписки в первые месяцы Великой Отечественной войны. В данной статье мы постараемся показать, чем упомянутые источ-

³ Против публикации дневника в полном объеме не возражали члены семьи Сергея Сергеевича, предоставившие его. Да и, судя по всему, самому автору хотелось, чтобы впоследствии не только он оставался их единственным читателем.

ники личного происхождения могут быть интересны и полезны потенциальным читателям — как специалистам-историкам, так и тем, кто просто интересуется отечественной историей.

* * *

По признанию самого Сергея Сергеевича Дмитриева, он начал вести дневник в 1920-е гг. Однако дневниковые записи за 1920-е — 1930-е гг. не сохранились: частично они были потеряны при переезде в начале 1930-х гг. семьи Дмитриевых на жительство в Москву, частично он уничтожил их сам, поскольку, по его словам, времена были такие, что искренность и откровенность не помогали существовать⁴. Дошедший до нас Дневник охватывает полувековой период (с небольшими перерывами): первая запись сделана 3 января 1941 г., последняя — 25 сентября 1991 г. (т.е. примерно за полтора месяца до смерти автора).

На самом деле, если учитывать содержащиеся в дневнике так называемые мемуарные вкрапления, появление которых чаще всего было связано со встречами Дмитриева с друзьями детства и молодости или с получением известий об их смерти, а также наброски («канву», по его определению) будущих воспоминаний⁵, то начальная грань отраженных событий отодвигается к 1920-м гг., а в редких случаях даже перемещается в дореволюционный период. Конечно, информация о дореволюционном Ярославле, которую мы можем почерпнуть из набросков воспоминаний, достаточно скудна, но, тем не менее, она есть. Так, мы можем узнать о существовании такой практически неизвестной, но очень любопытной организации, как общество «Молодая жизнь», созданном в 1909 г. членами родительского комитета ярославской мужской гимназии для того, чтобы предоставить «молодым людям школьного возраста» различные развлечения и занятия, способствующие их физическому, нравственному и умственному развитию⁶. Судя по всему, именно это общество способствовало пробуждению у юного Дмитриева интереса к театру, чтению и в будущем к занятиям историей.

Здесь же можно найти упоминания о страшных последствиях Ярославского мятежа 1918 г., в том числе о расстреле части залож-

⁴ См., например, запись от 19 февраля 1949 г.: «Хворал неделю, дома отлежался и решил, что всё-таки нужно делать заметки хотя бы для самого себя. Много раз принимался я их делать и бросал. Не раз и уничтожал. Времена такие, что искренность и откровенность не помогают существовать».

⁵ К идее написания воспоминаний С.С. Дмитриев обращался неоднократно (см., например, запись от 10 марта 1945 г.; наброски к воспоминаниям, датированные 23–26 сентября 1981 г.). Но она, к сожалению, так и осталась нереализованной.

⁶ Антонов Е.Б. Опыт педагогической деятельности общества «Молодая жизнь» // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 1.

ников, одним из которых чуть не стал будущий тесть Дмитриева — священник Алексей Александрович Юматов⁷.

Но конечно основная информация, которую мы можем почерпнуть из дневника, относится к советскому периоду. Не претендуя на упоминание обо всех сюжетах, которые затрагиваются Дмитриевым, остановимся на нескольких принципиальных моментах.

Жизнь Сергея Сергеевича, как и жизнь его современников, пришлась на сложную, противоречивую эпоху. Конечно, наиболее серьезный перелом в жизни страны произошел в 1917 г., в годы революции и гражданской войны были заложены базовые принципы, которые определяли суть советского строя в дальнейшем. Но, тем не менее, все последующие десятилетия существования Советской власти не были неизменными и статичными. Менялась общая обстановка в стране, менялись и условия развития исторической науки. Ситуация, например, в 1920-е — начале 1930-х гг., при господстве «школы Покровского», существенно отличалась от той, что сложилась после 1934 г., когда было восстановлено изучение гражданской истории, а не только истории классово-борьбы; условия 1930-х — начала 1950-х гг. во многом изменились для историков после 1956 г., а затем, уже более разительно, в период «перестройки». Не говоря уж о том, что условия жизни страны в годы Великой Отечественной войны не могли не отличаться от условий жизни в мирное время.

Всё это, безусловно, отражалось на людях, в то время живших, — на их настроениях, поведении, восприятии действительности.

Дневник С.С. Дмитриева дает прекрасное представление об этом: во-первых, на примере жизни, суждений самого Сергея Сергеевича, и, во-вторых, на примере судеб многочисленных его современников — людей разных возрастов, профессий, социального (сословного) происхождения, широко известных, мало известных и почти никому не известных; тех, с которыми он жил и работал в течение сколько-

⁷ Это событие отражено также в приложении «Юматовы».

Очень удивляет восторженная оценка командира красных латышских стрелков И.И. Штала, которую Дмитриев, будучи пожилым человеком с большим жизненным опытом, дает последнему в 1980-е гг., — «благородный рыцарь», «восстановивший справедливость» во время подавления Ярославского восстания 1918 г. «Восстановление справедливости» заключалось в том, что с истинно немецкой педантичностью Шталь не допустил отступления от правила: должен быть расстрелян именно каждый десятый, а не одиннадцатый из захваченных заложников, которые, как он сам признает, никакого отношения не имели к тем, кто поднял восстание. Будущему тестю Дмитриева, священнику А.А. Юматову (к которому, естественно, никаких претензий нет и за которого можно только порадоваться), повезло: он и был тем спасенным «одиннадцатым». Только благодарить, очевидно, следовало Бога, а не педантичного красного стрелка, со спокойной душой лишившего жизни «десятого» — столь же невиновного и, возможно, отца такой же большой семьи, как и тесть Дмитриева.

нибудь длительного времени, и тех, с кем его жизнь свела на краткий момент — в эвакуации, во время путешествий по стране, в санаториях и больнице, на учебных занятиях в разных вузах⁸. Судьбы всех этих людей наглядно показывают, насколько неоднородно было формирующееся советское общество, сложность состава которого отнюдь не отражало ни деление на честных тружеников и «врагов народа», на членов партии и беспартийных⁹, ни официальная классификация: рабочие, колхозники и интеллигенция (служащие)¹⁰.

Если даже мы возьмем только профессиональное окружение Дмитриева, то увидим совершенно различные группы, каждая из которых внесла свою лепту как в формирование научной гуманитарной интеллигенции, так и в советского общества в целом. Среди них:

— музейные работники, в кругу которых начиналась профессиональная деятельность Дмитриева в 1920-е — 1930-е гг. (например, мнивший себя поэтом, «воинствующий безбожник», директор Ивановского краеведческого музея А.Р. Штраус-Одинокий, расстрелянный в 1938 г.);

— краеведы (Н.В. Здобнов, А.А. Золотарев, Н.Г. Первухин и др.), многие из которых в начале 1930-х гг. также подверглись репрессиям, поскольку пытались увековечить старину, вместо того, чтобы разрушать ее до основания (а, следовательно, с точки зрения официальной идеологии занимались «гробокопательством»);

— «красные профессора» (например, Н.Н. Ванаг, С.С. Мильман), по определению Дмитриева, «верховодившие» на кафедре истории СССР в первые годы после восстановления в 1934 г. исторического факультета МГУ, а потом сгинувшие в ходе репрессий, обрушившихся на «школу Покровского»;

— выпускники того же Института красной профессуры, сумевшие после разгрома «школы Покровского» приспособиться к новым условиям и даже игравшие в дальнейшем в исторической науке заметную роль (М.В. Нечкина, А.М. Панкратова, Е.Д. Черменский);

⁸ Будучи человеком педантичным, Сергей Сергеевич аккуратно заносил информацию даже о своих случайных знакомых, попутчиках в дневник или какую-нибудь из многочисленных записных книжек.

⁹ Так, например, одна из крупнейших советских историков, выпускница Института красной профессуры, рьяно отстаивавшая чистоту марксистско-ленинской идеологии, часто понимаемой ею весьма прямолинейно, академик М.В. Нечкина (также, как и сам Дмитриев) никогда в партии не состояла.

¹⁰ Эта сложность состава советского общества хорошо просматриваются, если познакомиться хотя бы с краткой биографической справкой об упоминаемых Дмитриевым людях, в которой сообщается уровень их образования (какое и когда учебное заведение они заканчивали), участие в гражданской или Великой Отечественной войнах и т.п. Поэтому для того, чтобы читатель мог получить достаточную информацию о каждом из упоминаемых в дневнике лиц, к его публикации прилагается пространный Аннотированный именной указатель.

— «старые» (вне зависимости от возраста) специалисты, приступившие к занятиям наукой и преподаванию еще в дореволюционный период (С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, Б.Е. Сыроечковский), к которым «красные профессора» относились с недоверием, считая их скрытыми врагами и «кадетами в душе»;

— выходцы из различных дореволюционных сословий, признавшие Советскую власть¹¹ и получившие высшее образование уже при ней (например, дворяне П.А. Зайончковский, первоначально учившийся в кадетском училище и получивший возможность окончить МИФЛИ экстерном только в 1937 г., и К.В. Базилевич, окончивший артиллерийское училище и успевший принять участие в Первой мировой войне; сам С.С. Дмитриев, вышедший из мещанской среды; крестьянский сын М.Г. Седов — в 1930-е гг. активный комсомолец, а затем, в 1940-е — начале 1950-х гг., политзаключенный; многочисленные выходцы из духовного сословия);

— люди, родившиеся и получившие образование при Советской власти, среди которых было немало участников Великой Отечественной войны (И.А. Федосов, И.Д. Ковальченко, А.М. Сахаров, В.В. Гармиза, Н.С. Киняпина, Л.В. Кошман);

— партийные функционеры, считавшие себя вправе руководить наукой и многие другие.

Естественно, не менее разнородные группы можно выделить среди упоминаемых Дмитриевым людей других профессий и социальных слоев. Помимо историков, в дневнике чаще всего упоминаются деятели культуры (артисты, режиссеры, художники, писатели, музыканты) и общественно-политические деятели — как отечественные, так и зарубежные, как современные Дмитриеву, так и принадлежащие истории.

Представители творческой интеллигенции часто упоминаются, так как Сергей Сергеевич неизменно интересовался вопросами культуры в самом широком смысле слова — регулярно посещал спектакли, концерты в консерватории, просмотры кинофильмов, музеи, разнообразие выставки. Можно признать, что его записи достаточно полно отражают культурную жизнь современной ему столицы.

Что касается общественно-политических деятелей, то частое упоминание их имен в дневнике связано с тем, что С.С. Дмитриев имел привычку ежедневно читать газеты (чаще всего им упоминаются «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Культура и жизнь» и пр.) и считал своим долгом непременно прокомментировать прочитанное. Насколько основательны или не-

¹¹ По определению Дмитриева, «обломки прошлого, стремящиеся войти в современность» (см., например, запись о семье Шкробов от 25 февраля 1945 г.).

основательны эти комментарии — судить читателю. Во всяком случае, они отражали настроения определенной части современной Сергею Сергеевичу советской интеллигенции. Рассуждения Дмитриева по поводу текущих общественно-политических событий, в частности, очень ярко демонстрируют резкое отличие мироощущения послевоенного поколения (особенно после наступления «оттепели»), достаточно спокойно относящегося к ситуации в мире, от восприятия окружающей действительности теми, кто пережил Великую Отечественную войну. Старшее поколение, судя по Дневнику, все последующие послевоенные десятилетия, начиная с конца 1940-х гг., жило в напряженном ожидании возможного начала новой, Третьей, мировой войны. К рассуждениям по этому поводу часто возвращается сам Сергей Сергеевич, этот сюжет нередко становится предметом обсуждения в кругу его коллег.

Записи Дмитриева дают представление также о том, насколько большую роль в условиях недостатка информации играют слухи и догадки, на которых основываются суждения и автора дневника, и многих его современников. Важно заметить, что Сергей Сергеевич, хорошо зная условия развития общественной мысли России в XIX в. (особенно в первой его половине) и понимая, что заставляет общество, читая между строк, порою видеть там то, чего нет, отдает себе отчет в этом — сознательно фиксирует слухи (и анекдоты) не в качестве истины в последней инстанции, а как определенное отражение настроений общества. Хотя в ряде случаев, безусловно, доверяет им. И это не его вина — это, действительно, специфика времени.

Меняющаяся эпоха, конечно же, оказывала влияние и на самого Сергея Сергеевича, но похоже, он не замечал этого (или не признавался себе в этом) и считал, что его взгляды на окружающую действительность всегда были неизменны и неизменно оппозиционны.

В 1960-е — 1980-е гг. Сергей Сергеевич считался на историческом факультете МГУ одним из крупнейших специалистов по истории культуры и общественной мысли России. Косвенным подтверждением тому было, например, то, что кафедра истории СССР периода феодализма из года в год уступала ему часть своей нагрузки при чтении лекций по истории русской культуры для студентов, специализирующихся по отечественной истории. Дмитриев начинал свою часть курса не с начала XIX в. (как это было положено для нашей кафедры), а с начала XVIII в. — что, собственно говоря, было совершенно оправданно и логично: многие особенности развития России в XIX веке (в том числе и особенности развития культуры) невозможно правильно понять и оценить в отрыве от петровских преобразований. Соседней кафедре приходилось «жертвовать» причитающимися ей по учебному плану часами, и коллеги на это шли.

На этом фоне казалось необъяснимым курьезом предложение Дмитриева, сделанное в середине 1960-х гг. одному из студентов, заняться вместо изучения славянофильства изучением истории тонкорунного овцеводства. Удивляло (по крайней мере, студентов и аспирантов) и то, что у такого видного ученого, профессора нет докторской степени, да и монографий тоже.

Дневник Дмитриева разъясняет все эти странности.

Успешно защитив в 1940 г. кандидатскую диссертацию по экономическим взглядам славянофилов, он первоначально стремился к защите докторской диссертации, в которой, по его словам, очень нуждался — для того, «чтобы самолюбие и честолюбие не страдали» и «чтобы стать под старость профессором и доктором».

После возвращения из эвакуации в Москву в 1943 г. Сергей Сергеевич был прикреплен к докторантуре Института истории АН СССР и с конца того же года стал задумываться о разработке плана будущей диссертации. Первоначально он планировал продолжать разработку прежней или какой-либо близкой к ней проблематики¹². Но на рубеже 1940-х — 1950-х гг. ему пришлось пережить несколько неприятных месяцев. Это время было крайне неблагоприятно для развития исторической науки: существующие идеологические рамки и без того были крайне жесткими, за какие-нибудь методологические или политические ошибки можно было серьезно поплатиться. А тут еще началась борьба с «безродным космополитизмом», «низкопоклонством» перед западной наукой и культурой, что подлило масла в огонь.

Критика в печати сопровождалась многодневными дебатами в Академии общественных наук, на историческом факультете МГУ. Подвергся резкой критике за свои «ошибки» и Дмитриев. Последствия могли быть самыми печальными.

В тот раз всё обошлось для него благополучно, но пережитые волнения повлияли на него весьма серьезно. Сергей Сергеевич, всегда уважительно относившийся к трудам дореволюционных историков, вдруг 11 марта 1949 г. пишет: «От влияния русских буржуазных историков нужно избавиться, и чем решительнее, тем лучше»¹³.

¹² См. запись от 8 июня 1949 г.: «Всё последнее время раздумываю над судьбой своей докторской диссертации. Мысли как-то на распутье. Три представляются возможности:

1) Продолжать и докончить славянофилов ранних (дореформенных времен). <...>

2) Славянский вопрос в русской общественной мысли XIX в. <...>

3) Общественные науки в России. Очерки из истории общественной науки в России в первой половине XIX в.»

¹³ Подчеркнем: не в публичном выступлении, в котором иное заявление было практически невозможно, поскольку было бы равноценно самоубийству, но в дневнике, предназначенном исключительно для себя.

В этой обстановке в конце 1949 г. Дмитриев резко переориентировался на изучение истории сельского хозяйства, очевидно, полагая, что данная тема более безопасна с точки зрения идеологических «ошибок». Он настойчиво убеждал самого себя, что сделал выбор, исходя исключительно из научных соображений¹⁴.

Новая тема, конечно, представляла научный интерес. Но, надо признать, тема вполне специфическая. Как бы ни убеждал себя Сергей Сергеевич, что сделал добровольный и правильный выбор, подобная проблематика была ему чужда и, разрабатывая ее, он совершал насилие над собой, что вообще редко приводит к положительным результатам. Что касается Сергея Сергеевича, то он всегда предпочитал размеренный образ жизни, ценил комфорт физический и душевный, даже слыл сибаритом.

В результате докторская диссертация так и не была написана, другие крупные работы не появились. Дмитриеву не удалось заинтересовать этой проблематикой большое число студентов, хотя некоторые его ученики все-таки защитили соответствующие дипломные и кандидатские работы. Оставили без внимания его советы заняться историей сельскохозяйственной науки и некоторые его младшие коллеги — В.В. Гармиза, И.А. Федосов, П.С. Ткаченко¹⁵.

В описанном случае к Дмитриеву трудно предъявлять претензии — ему можно только посочувствовать. Однако эпоха оказывала влияние не только на выбор темы исследования, но и на поведение, на отношение к окружающим. Критикуя других, справедливо негодую на коллег, интересовавшихся тем, какие у него самого были «извращения по вопросам славянофильства»¹⁶, обижаясь на критическую рецензию П.А. Зайончковского на свой учебник, он не хочет (даже ретроспективно) обращать внимания на то, что сам вольно или невольно приспособлялся к системе и порой вел себя не лучше многих. К себе, своим близким и остальному миру у него были принципиально разные требования и отношение¹⁷.

¹⁴ См. записи от 6, 7, 8, 12 ноября и 9 декабря 1949 г.

¹⁵ См. запись от 13 июля 1950 г.

¹⁶ Запись от 20 февраля 1945 г.

Подобным вопросом, например, задавалась в 1945 г. преподавательница МОПИ Р.Г. Лепешова, которая, кстати, по своему первому образованию после окончания Индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта имела специальность «учитель истории и ткацкого дела». (см. запись от 20 февраля 1945 г.).

¹⁷ Иногда складывается впечатление, что, критикуя окружающую его действительность, С.С. Дмитриев существует в какой-то параллельной реальности. Даже тем, кто родился после войны и не знал голода, хорошо понятно, что первые послевоенные годы не могли не быть трудными в материальном отношении. Не каждый в то время мог позволить себе отдых в санатории. Но Сергей Сергеевич, приехав в санаторий «Красный партизан» в Кисловодске, сетовал на недостаток комфорта, которого заведомо не могло быть в 1947 г. В 1942–1943 гг. здесь шли ожесточенные бои,

Многие коллеги Сергея Сергеевича, студенты, аспиранты воспринимали его как личность самодостаточную и всегда независимую: он был единственным членом кафедры, не имевшим партийного билета (причем он сознательно уклонялся от вступления в партию¹⁸); можно предполагать, что в какой-то степени он был религиозен. Судя по записям в дневнике, Дмитриев изначально ощущал себя в некоторой внутренней оппозиции к существующему строю, к которому у него было много (часто весьма обоснованных) претензий. Некоторые его высказывания (и отнюдь не только в период «перестройки», когда отношение к прошлому у многих резко изменилось) были очень жесткими. Так, например, 9 апреля 1950 г. он писал: «А между тем внутренне, по сердцу и разуму народ наш страшно одичал и загрузел за эти полвека резни, деспотизма, попрания всего святого, оплевывания всех заветов, всего чистого и замены всего одним пустым и дешевым политиканством <...> Свобода стала осознанной необходимостью, демократия — диктатурой, личность человеческая заменена стертой монеткой двухкопеечного достоинства. Уничтожение эксплуатации повело не к исчезновению эксплуатации, а к ее усилению в отношении значительно больших масс населения, нежели составляли эксплуатируемые в “проклятом” старом обществе»¹⁹.

Однако практически в то же время делается запись: «Да, партия права! Нужно очистить наше общество. В него много примешалось чуждых, враждебных, разложившихся людей и людишек. Бушуева, говорят, исключили из партии тоже едва ли не за попытку дать взятку судьбе! И чем решительнее почиститься, тем лучше будет»²⁰.

город на пять месяцев оказался под немецкой оккупацией. Масштабы разрушений и потерь, казалось бы, должны быть понятны. Тем не менее, у Дмитриева вызывает досаду то, что «Санаторий паршивый. Публика ужасная. Лечат отвратительно. Кормят плохо и невкусно. Как обычно — не хватает хозяйственного инвентаря — нет мебели, ложек, тарелок, зеркало нельзя достать не только в санатории, но и во всем городе» (Запись от 12 июня — 20 июля 1947 г.)

¹⁸ См., например, запись от 17 декабря 1959 г., в которой он задавался вопросом: «Уж не предпринимается ли новый заход с неводом для уловления меня в орден?» Или более раннее упоминание о желании секретаря партбюро М.И. Федоровой о том, чтобы он вступил в партию, оставленное им без внимания (запись от 20 марта 1952 г.).

Кстати, беспартийность и независимость Дмитриева не мешали ему преподавать в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б) (КПСС), а также перед своим выступлением в прениях на 2-й объединенной научной сессии по истории народов Прибалтики согласовывать свои взгляды на одного из участников польского восстания 1863–1864 гг. с первым секретарем ЦК Компартии Литвы А.Ю. Снечкусом (запись от 26 марта 1953 г.).

¹⁹ Подобные суждения повторяются им довольно часто в разные годы.

²⁰ Запись 11 марта 1949 г. Болезненно реагируя на критику в свой адрес, Дмитриев очень легко и охотно верит слухам о предполагаемых непорядочных поступках коллег (в данном случае Бушуева) и готов их осудить.

Или: «В кругах историков ждут завтрашнего номера “Культуры и жизни”, который весь целиком будто бы будет посвящен космополитам в среде историков. Вот, поди, после его выхода и развернется кампания! На этой неделе предстоит что-то и в Институте Истории. Говорят, что Н.М. Дружинин стремится преодолеть общее давление и сдерживает “крови жаждущих”. Позиция примиренческая! В отношении группы Минца–Городецкого проявление мягкости было бы преступлением»²¹. Примеры подобных высказываний можно продолжать.

Удивляет реакция Сергея Сергеевича и на выступления коллег, вынужденных принимать участие в обсуждении задач советских историков в связи с работами И.В. Сталина по языкознанию. Вот что он, только что болезненно переживший критику в свой адрес, пишет 26 ноября 1950 г.: доклад Б.А. Рыбакова по этой теме «был средний по качеству, очень общего характера, без всякой критики и упоминания имен. Осторожность Рыбакова и его известное качество (за всю жизнь ни с кем не поссорился) сделали доклад бесцветным <...> Я говорил об историографии, слушали внимательно <...> Глупым и пустым было выступление Зайончковского, сведшего задачи историков к заботам об орфографии!»

Совершенно очевидно, что в обсуждении заявленной темы заведомо не могло быть ничего «научного», а критика в адрес любого лица могла быть чревата для последнего серьезными оргвыводами, как, например, это произошло с человеком, которого Сергей Сергеевич считал своим другом, — Н.Л. Рубинштейном, вынужденным покинуть МГУ. На этом фоне позиция Рыбакова и Зайончковского кажется совершенно понятной. Но упоминания каких имен ждет Дмитриев? Какие достоинства видит в своем выступлении?

Нельзя не отметить, что при всех обвинениях в адрес властей за искалеченные судьбы своих современников, Дмитриев часто оказывался удивительно равнодушен к арестам тех, кого учил и с кем работал.

Чего стоят записи, касающиеся исключения из партии в мае 1951 г., а затем ареста в феврале 1953 г. его ученика, бывшего фронтовика Вадима Владимировича Гармизы: «Узнал, что В.В. Гармиза исключен решением партбюро БСЭ от 8.5.1951 из партии за сокрытие каких-то своих прошлых поступков. Книга его, уже печатающаяся (отпечатано 4 листа), вероятно, будет приостановлена»²²; «Получил вопреки моим ожиданиям гонорар в издательстве МГУ за редакци-

²¹ Запись 20 марта 1949 г. Сделанная позднее приписка к этой фразе — «по мнению многих» — на мой взгляд, ничего не меняет.

²² Запись от 11 мая 1951 г.

рование книги Гармизы <...> Вопреки ожиданиям, потому что книгу его явно не будут издавать в связи с неприятностями, постигшими ее автора <...> так что деньги, полученные мною, истратятся, славы не будет, так как книги не будет»²³; «Узнал у Ткаченко новость об аресте в пятницу 27.2.1953 г. Гармизы <...> Он уже был ранее исключен из партии за сокрытие каких-то ошибок, а потом и от работы в БСЭ освобожден. Последнее время работал он в каком-то механическом производстве. Видимо, запутался парень и заврался. Да и кто знает, что он скрывал? За прошлые ошибки, конечно, не арестовали бы»²⁴. И ни слова сочувствия (пусть даже только в дневнике) в адрес Гармизы и членов его семьи.

А как понять равнодушно-скептическое отношение к восстановлению на истфаке МГУ вернувшегося после заключения М.Г. Седова: «Что из этого получится, трудно сказать. Ведь человек этот 10–12 лет работал горняком на шахте»?²⁵

* * *

Теперь несколько слов о содержании семейной переписки Дмитриевых, относящейся к 1941–1942 гг.

22 июля 1941 г. немецкая авиация в первый раз совершила массированный налет на Москву. Через пять дней город покинула семья С.С. Дмитриева — его мать Анна Николаевна, жена Ольга Алексеевна и сын Игорь. В конечном итоге семья обосновалась в селе Ильинском Ярославской области, в доме, который в середине 1930-х гг. приобрели О.А. Дмитриева, ее братья и сестры для своих родителей — священника Алексея Александровича²⁶ и Серафимы Галактионовны Юматовых.

Вечером 16 октября 1941 г., накануне введения в Москве осадного положения, вместе с истфаком МГУ покинул Москву и сам Сергей Сергеевич. Причем они даже не уезжали, а уходили из города пешком по Владимирскому шоссе, под грохот бомбежки, на фоне окрашенного заревом от пожаров ночного неба. В начале ноября Дмитриев получил назначение на должность доцента и заведующего кафедрой истории Сталинского²⁷ учительского института и в конце месяца обосновался в этом городе.

²³ Запись от 26 мая 1951 г.

²⁴ Запись от 1 марта 1953 г.

²⁵ К счастью, сомнения Дмитриева оказались беспочвенными: и Гармиза, и Седов сумели «восстановиться» — защитить докторские диссертации (в 1968 г. — Седов, в 1969 г. — Гармиза), стать признанными специалистами каждый в своей области.

²⁶ Умер в 1940 г.

²⁷ Сталинском в 1932–1961 гг. назывался г. Новокузнецк.

В начале следующего, 1942/43 учебного года он получил назначение в Малмыж, где в то время находился в эвакуации Московский областной педагогический институт, в котором Сергей Сергеевич работал до начала войны. Сюда к нему в октябре 1942 г. приехали жена и сын.

Все время, пока семья была разъединена, т.е. с июля 1941 г. по конец сентября 1942 г., она вела интенсивную переписку; старались писать если не ежедневно, то хотя бы через день; более длительные перерывы между письмами были редки. Таким образом, за год с небольшим накопилось около 300 писем.

В начале 1960 г., разбирая семейный архив, Сергей Сергеевич писал: «Писем сохранилось много; моих 207 и ко мне около 100 (не менее 84). Содержание их вполне семейное, бытовое; о делах общих, военных, политических, общественных в то время в письмах писать затруднялись. Как материал для домашне-бытовой истории переписки может быть интересна».

Действительно, про то, что происходило на фронте, в письмах не упоминается. Во многом это объясняется наличием военной цензуры. Наглядно ее присутствие проявляется в штампах «Просмотрено военной цензурой», стоящих на почтовых открытках. На письмах таких штампов нет, поскольку конверты не сохранились. Единственным исключением является письмо О.А. Дмитриевой от 15 апреля 1942 г., в котором она объясняет, что купить билет на поезд в Ярославль и из Ярославля невозможно из-за объявленного карантина. Слова «объявлен карантин» густо закрашены чернилами, которые не употреблялись Дмитриевыми, и могут быть с трудом прочитаны при помощи лампы и лупы. И на самом этом письме стоит упомянутый штамп.

Но, если читать внимательно, отголоски военных действий можно все-таки заметить. Прежде всего, в ноябре — начале декабря 1941 г. в письмах неоднократно обсуждается возможность появления «настоятельной», «крайней», «независящей» от семьи необходимости срочно уезжать из Ильинского дальше на восток. В конце декабря — начале января уже упоминается о том, что такая необходимость отпала. Совершенно очевидно, что эти рассуждения связаны с ходом военных действий под Москвой: до начала контрнаступления Красной Армии очень сильны были опасения, что немцы могут далеко продвинуться на восток и тогда семья окажется в зоне боевых действий. Успешное развитие контрнаступления существенно поменяло настроение: «В связи с нашими победами нет, пожалуй, смысла нам забиваться так далеко»²⁸. И в начале 1942 г. в переписке

²⁸ Письмо А.Н. Дмитриевой от 24 декабря 1941 г.

стала обсуждаться перспектива возвращения в Москву и то, какие действия для этого нужно предпринять.

Но хотя результаты советского контрнаступления под Москвой обнадеживали, все-таки сохранялась неуверенность в том, как будут в дальнейшем развиваться события. Кроме того, некоторые друзья семьи (и в первую очередь Н.Л. Рубинштейн) настойчиво советовали отложить принятие решения до лета. Совершенно ясно, что это предполагало необходимость согласовывать свои личные планы с тем, как будет складываться ситуация на фронте.

В переписке также неоднократно встречаются упоминания о «гостях»: «Хорошо, что посещение гостями папы и Лены сошло благополучно»²⁹, «За эти дни нас не забывали гости, были два раза, ну, конечно, и не надоели, да ладно расходу от них немного было, пошумели и ладно»³⁰, «Жизнь у них за последнее время стала покойней, гости их не посещали»³¹ и т.д. Речь шла о налетах немецкой авиации. И еще примерно о том же: «Пришла открытка от Петра Андреевича из Пензы. Едет далее на юго-запад, ждет, что завтра-послезавтра (а писал 9/VI) начнутся кусковские прошлогодние развлечения»³².

Но, конечно, более ценна переписка Дмитриевых информацией о том, что думали, как жили, работали и просто выживали люди в тылу. То, что письма писались почти ежедневно, позволяет не просто получить эту информацию, а буквально прожить вместе с авторами писем и их близкими первый год войны.

Важно отметить, что переписка отражает жизнь не только Сергея Сергеевича в Сталинске и его семьи (матери, жены, сына и тещи) в с. Ильинском, но и многих других людей. Все они, в частности, переписывались с Н.Л. Рубинштейном, П.А. Зайончковским, С.Л. Марголиным, многочисленными родственниками Ольги Алексеевны Дмитриевой в Москве, Ярославской области, в Горьком, получали информацию о своих ленинградских родственниках и т.п. Все новости Сергей Сергеевич, Ольга Алексеевна и Анна Николаевна пересказывали друг другу в своих письмах. Другими словами, круг людей, о которых мы получаем подробную информацию, достаточно широк.

Коллеги Дмитриева, эвакуировавшиеся одновременно с ним, оказались разбросанными в разные концы страны: например, значительная часть преподавателей истфака МГУ оказалась в Средней

²⁹ Письмо С.С. Дмитриева от 4 января 1942 г. Речь идет об отце и семье сестры Дмитриева — Е.С. Барановой, проживавших в Ярославле.

³⁰ Письмо А. Н. Дмитриевой от 15 февраля 1942 г.

³¹ Письмо А.Н. Дмитриевой от 25 февраля 1942 г.

³² Письмо С.С. Дмитриева от 21 июня 1942 г.

Азии, Марголин — в Бирске, Рубинштейн³³ — в Саратове, Зайончковский — сначала в Барнауле, затем в Новосибирске, а потом добровольцем ушел на фронт³⁴. Конечно, жизнь во время войны была сложной у всех, но все же условия в разных местах были далеко не одинаковы. Жизнь Сергея Сергеевича в Сталинске оказалась сравнительно комфортной во многих отношениях — жилищном, материальном, продовольственном (недаром Марголин характеризовал обеды Дмитриева как «лукулловские») и даже в плане возможности посещать театры и кино.

Куда сложнее была жизнь в Ильинском. Прежде всего, очень остро стоял вопрос о питании, дровах — требовались значительные усилия, чтобы достать и то, и другое. Кроме того, жена и мать Дмитриева наравне с местными колхозниками должны были принимать участие в разнообразных (в том числе и очень тяжелых) работах: как сельскохозяйственных, так и на лесозаготовках, что (в отличие от самого Сергея Сергеевича) не вызывало у них недовольства. От подобных работ была освобождена только теща Дмитриева, Серафима Галактионовна, которой в то время было 75 лет. Но именно она стала главным добытчиком продовольствия для семьи: чаще других она совершала многокилометровые походы по окрестным деревням, стараясь купить или выменять какие-либо продукты. А весной и летом именно она взяла на себя работы на приусадебном участке, обрабатывая огород, разводя пчел, кур и изобретая разнообразные способы решения хозяйственных проблем. Так, например, весной, когда галки свили гнездо над их окном, она вынашивала планы под-

³³ Письма Н.Л. Рубинштейна, в частности, отразили, насколько резко, непредсказуемо постоянно менялись судьбы людей. Первоначально большое беспокойство у него вызывала неизвестность о судьбе его двух родных братьев, оказавшихся в начале войны в блокадном Ленинграде. Весной 1942 г., казалось, судьба им улыбнулась: им удалось эвакуироваться, и они были направлены для лечения в Кисловодск. «Я рад за братьев, — писал Николай Леонидович в апреле, — там много масла, меда, зелени, яйца и молоко — и все намного дешевле, чем в Саратове». И вдруг снова связь обрывается — 14 августа немецкие войска вошли в Кисловодск, причем далеко не всех раненых и людей, находившихся на лечении, удалось вывезти. «Надо же было, чтобы они из Ленинграда попали в Кисловодск — и сейчас переживали всё сначала». (К счастью, братья Рубинштейна успели вовремя уехать и спаслись).

³⁴ К слову сказать, настроения многих современников Сергея Сергеевича, уходивших добровольцами на фронт, не были свойственны ему самому. Ему, 35-летнему мужчине, даже дежурство на чердаке во время налетов немецкой авиации было в тягость (он сразу же подал заявление о невозможности для него нести дежурство по состоянию здоровья. — См. запись в дневнике от 7 августа 1941 г.). В отличие от Дмитриева считавшийся в то время его другом П.А. Зайончковский буквально рвался на фронт. Дмитриев пишет, что Зайончковский сначала добился того, чтобы его призвали в армию, затем категорически отказался от должности преподавателя в одном из военных училищ, заявив, что шел в армию именно для того, чтобы оказаться на фронте, и в случае отказа готов был продолжать бороться для достижения этой цели.

ложить им куриное яйцо, чтобы те его высидели³⁵. (Надо полагать, этот план остался нереализованным, так как для этой цели им удалось достать обычную курицу — «клубу»).

Проблема питания, пожалуй, центральная в переписке, очень остро стояла везде: об этом пишут не только «ильинцы» (как называл в письмах Дмитриев членов своей семьи), но и их корреспонденты в Ярославле, Москве, Бирске. Обсуждение ее наглядно иллюстрирует инфляцию, рост дороговизны (если при приезде семьи в Ильинское литр молока стоил 3 рубля, потом 5, то к концу пребывания семьи в Ильинском — уже 10, 15 рублей). А главное, деньги практически обесценились: местные жители отказывались продавать продукты за деньги, предпочитая обменивать их на промтовары: скатерть, туфли, платья, белье, чулки, отрез ткани. Скатерть, которую до войны Дмитриевы стелили на стол, когда приходили гости, удалось, например, обменять на «½ пуда картофеля, 2 десятка яиц, 3 фунта сухих черных грибов, 1 кило соленых грибов и 400 гр. сливочного масла»³⁶. Но со временем вещи, которые можно было использовать для обмена, тоже стали подходить к концу.

Деньги не особо ценились даже в колхозной лавке: здесь соль и спички можно было приобрести за грибы: за 1 кг сушеных грибов — 1 кг соли³⁷.

Выше уже упоминалось про введение в Ярославле в начале 1942 г. карантина (причем он распространялся не только на город, но и на сельскую местность, где, в частности, были отменены занятия в школах и проводились прививки от тифа). Представляется, что во многом это было обусловлено не просто условиями военного времени, но и тем, что в это время через эту территорию осуществлялась эвакуация населения из блокадного Ленинграда. Эшелоны с ленинградцами направлялись в Ярославль, а там уже прибывшие распределялись по другим городам. Разумеется, ленинградцы страдали не только от голода, среди них было много больных людей, некоторые умирали, не добравшись до места назначения, прямо в поездах... Это не могло не повлечь за собой угрозу возникновения эпидемии.

Транзит эвакуированных ленинградцев в Ярославль сказался также на продовольственном обеспечении местного (преимущественно эвакуированного) населения. Естественно, изголодавшиеся

³⁵ Свою лепту в решение продовольственной проблемы внес и сын Игорь, летом практически ежедневно ходивший в лес за грибами, ягодами (земляничкой и малиной), собиравший щавель и пытавшийся «наладить» рыбную ловлю. Кроме того, вычитав в каком-то журнале рецепт добывания сахара из корней лопуха, попытался смолоть эти корни вместе с рожью.

³⁶ Письмо А.Н. Дмитриевой от 13 мая 1942 г.

³⁷ Письмо Игоря Дмитриева от 23 августа 1942 г.

ленинградцы пытались обменять на еду всё, что у них было. Были случаи, когда за литр молока для грудного ребенка мать, не торгуясь, могла отдать золотое обручальное кольцо³⁸. И поэтому в прилегающей к железной дороге местности, по словам Ольги Алексеевны Дмитриевой, «началась, буквально, вакханалия мены в связи с проезжающими эшелонами ленинградцев. Нам приходится туго. Теперь и болезни отошли на второй план, прежде всего стоит вопрос питания. Тут уж ничего не поделаешь»³⁹.

Мы упомянули лишь важнейшие из затронутых сюжетов, с тем чтобы показать содержательность и ценность переписки и объяснить целесообразность ее публикации.

References

Antonov E.B. *Opyt pedagogicheskoy deyatel'nosti obshchestva "Molodaya zhizn"* [The Experience of Pedagogical Activity of the Society "Life of the Youth"] // *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2010. № 1. P. 58–61.

Katamadze N.Sh., Naumova G.R. *Fond professora* [The Professor's Archive] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2018. № 3. P. 54–69.

Поступила в редакцию
21 июня 2020 г.

³⁸ Про это рассказал мой коллега по кафедре С.Л. Чернов: так поступила Ольга Яковлевна Соколовская (его будущая теща), старавшаяся спасти свою грудную дочку Марину.

³⁹ Письмо О.А. Дмитриевой от 19 апреля 1942 г.